

Священникъ Александръ Аѳанасьевичъ Сталыпинъ.

(Некрологъ).

Родитель мой Александръ Аѳанасьевичъ Сталыпинъ, заштатный священникъ села Панцыревки, Городищенскаго уѣзда, скончался 14 октября текущаго года, на 88-мъ году своей жизни, прослуживъ въ санѣ священника около 60 лѣтъ. Онъ былъ сынъ діакона с. Сталыпина, Городищенскаго же уѣзда. Многосемейный, бѣдный отецъ его, не получившій самъ почти никакого школьнаго образованія, сумѣлъ дать своему сыну возможность выйти въ люди. „До философскаго класса я“, рассказывалъ родитель мой, „ходилъ не только въ халатѣ, но и въ лаптяхъ. Въ первый разъ я увидѣлъ на себѣ нанковый сюркукъ и сапоги на второй годъ въ философскомъ классѣ. Цѣлый годъ собирался родитель мой сдѣлать мнѣ такой дорогой подарокъ за то, что я перешелъ въ философскій классъ 4 ученикомъ. Ну, ужъ, и дорожилъ же я этимъ подаркомъ отца, особенно сапогами. На первыхъ порахъ я носилъ эти сапоги только по большимъ праздникамъ, для хожденія въ церковь“. Но, несмотря на свои хорошіе успѣхи въ наукахъ, покойный родитель чуть, было, не вышелъ изъ семинаріи до окончанія полнаго курса. Причиной тому была смерть отца его, оставившаго послѣ себя многочисленную семью безъ всякихъ, можно сказать, средствъ къ жизни. Родитель мой, только что перешедшій въ это время въ богословскій классъ, подалъ уже, было, ректору семинаріи, помнится, архимандриту Николаю, прошеніе объ увольненіи его изъ семинаріи; но о. ректоръ не принялъ отъ своего ученика прошенія и уговорилъ его продолжать образованіе уже въ качествѣ „бурсака“. Черезъ два года послѣ сего родитель мой кончилъ курсъ семинаріи

2-мъ ученикомъ. „Изъ семинарскихъ наукъ,“ рассказывалъ родитель мой, „я болѣе всего любилъ заниматься священнымъ Писаніемъ, риторикой и латинскимъ языкомъ“. Латинскими цитатами онъ любилъ „щеголять“ даже и въ преклонныхъ лѣтахъ; ученическія его сочиненія (не многія изъ нихъ хранились имъ до послѣдняго даже времени), писанныя на латинскомъ языкѣ, не имѣютъ на себѣ никакихъ помарокъ; въ семинаріи онъ пріобрѣлъ завидный навыкъ на перѣ, за что въ послѣдствіи, даже и въ старческіе годы свои, пользовался благоволеніемъ архіепископа Варлаама и затѣмъ епископа Григорія. — По окончаніи родителями моимъ семинарскаго курса, о. ректоръ хотѣлъ послать его въ академію, но бѣдный сирота не устоялъ теперь противъ слезной просьбы многосемейной и уже совсѣмъ дряхлой матери своей — не пускать ея теперь по міру и рѣшился принять на себя тотчасъ же по окончаніи семинарскаго курса санъ священника. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого онъ рукоположенъ былъ во священника въ малолюдное мордовское село Тешнаръ, Городищенскаго уѣзда. Въ продолженіе трехлѣтняго своего пребыванія въ этомъ селѣ онъ такъ хорошо ознакомился съ мордовскимъ языкомъ, что могъ говорить на немъ совершенно свободно. Это ему въ послѣдствіи очень пригодилось. Новый приходъ родителя моего (с. Панцыревка), въ который онъ былъ переведенъ послѣ трехлѣтняго своего пребыванія въ Тешнарѣ, наполовину состоялъ, какъ и теперь состоитъ, изъ мордвы, съ которой онъ сразу же заговорилъ на ея родномъ языкѣ. Благодаря этому, родитель мой, отличавшійся еще и необыкновенною простотою своего обращенія съ народомъ и ласковостію, пользовался большою любовію своихъ духовныхъ дѣтей и имѣлъ на нихъ сильное вліяніе. Вотъ почему, когда епископъ Автоній 1-й перевелъ, было, родителя моего, въ награду за его

труды по должности пастыря и благочиннаго, въ многочисленное и богатое подгородное село Безсоновку, прихожане со слезами просили его отказаться отъ новаго прихода и остаться у нихъ. И добрый пастырь не покинулъ своего духовнаго стада, несмотря на то, что ему, какъ отцу большаго семейства, было-бы весьма выгодно и удобо жить поближе къ городу, гдѣ учились его дѣти. Радости и благодарностямъ храмолюбивой мордвы не было конца, когда родитель мой вскорѣ послѣ этого перевелъ Пасхальный апостоль на мордовскій языкъ (печатнаго перевода этого апостола теперешняя мордва — ерзя почти совершенно не повимаетъ) и велѣлъ прочитать его, вмѣстѣ съ апостоломъ на славянскомъ языкѣ, за литургіей на первый день св. Пасхи. Но покойный родитель пользовался въ приходѣ своемъ большою любовью и уваженіемъ не простаго только народа, но и именитыхъ лицъ дворянскаго сословія. Впрочемъ, эти любовь и уваженіе не спасали родителя моего, и до самой почти старости, отъ весьма многихъ неприяностей, огорченій и даже страданій душевныхъ. Покойный родитель мой всѣ эти невзгоды своей жизни переносилъ весьма терпѣливо, не ропталъ много на судьбу свою и такъ или иначе мирился съ окружающею обстановкою.

За ревностныя труды свои родитель мой получилъ слѣдующія награды: набедренникъ, скуфью, камилавку и нѣсколько благодарностей мѣстнаго Епархіальнаго Начальства и Св. Синода. Кромѣ того, онъ имѣлъ еще серебряную медаль на владимірской лентѣ и разъ удостоился получить благодарность и грамоту отъ Императорскаго Географическаго Общества за содѣйствіе этому обществу въ дѣлѣ изслѣдованія Россіи. Медаль онъ получилъ „за спасеніе погибавшихъ“. Случай спасенія родителемъ моимъ „погибавшихъ“ интересенъ и весьма характеренъ по отношенію къ

почившему. Расскажу здѣсь объ этомъ случаѣ такъ, какъ слышалъ о немъ изъ устъ самого родителя. „Разъ, еще въ молодые годы моей жизни, въ Панцыревкѣ, въ усадьбѣ помѣщика загорѣлся барскій домъ. Пожаръ случился въ сильную бурю и потому разыгрался очень быстро. Съ испугу всѣ жильцы дома и вся дворня помѣщика точно потеряли голову. Среди бѣготни и суматохи люди помѣщика, спасавшіе отъ огня его имущество, забыли вынести изъ дома во время мать его, слѣпую старушку. Прибѣжавъ на пожаръ, я услышалъ, что люди помѣщика перекоряются между собою, посылая другъ друга за барыней въ объятый уже со всѣхъ почти сторонъ пламенемъ барскій домъ. Увидѣвъ, что люди тратятъ въ перекорахъ самое дорогое время, я со всѣхъ ногъ бросился въ барскій домъ. Вбѣжавъ въ переднюю, я понялъ, что дальше можно двигаться только ощупью, съ зажмуренными глазами, такъ какъ домъ наполненъ былъ дымомъ. Вскорѣ дымъ сталъ душить меня такъ, что я чуть было не задохся, чуть не упалъ. Зная расположеніе дома, я нашелъ погибавшую старушку въ ея собственной комнатѣ, лежавшую на полу безъ всякаго движенія—и тотчасъ вынесъ несчастную наружу. Здѣсь чрезъ нѣсколько минутъ старушка очнулась. Какъ я не задохся въ барскихъ комнатахъ отъ дыму, этого и понять не могу. Замѣшкаясь я съ минутою въ домъ,—сгорѣть бы мнѣ въ немъ. Самъ Богъ спасъ меня въ это время, какъ спасъ Онъ, Милосердый, меня и чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого случая. Лишь только Богъ помогъ мнѣ спасти барыню, я увидѣлъ, что крыша на стоящей близъ пожарища деревянной церкви нашей стала уже дымиться, загораться. Я сейчасъ же бросился къ церкви и по колокольной веревкѣ вскарабкался на крышу, куда тотчасъ же брошенъ былъ мнѣ топоръ. Держась лѣвой рукой за веревку, я

правой сталъ вырубать загоравшіяся въ этотъ моментъ нѣкоторыя мѣста крыши. Вскорѣ ослабѣлъ я до того, что готовъ уже былъ бросить веревку и упасть съ значительной высоты на землю, но въ этотъ моментъ я вдругъ увидѣлъ быстро несущуюся по воздуху вокругъ церкви икоу съ изображеніемъ на ней какъ-бы совершенно живого лика Богоматери. Это такъ вдругъ ободрило и чудесно укрѣпило меня, что я опять сталъ свободно дѣйствовать топоромъ и тѣмъ весьма много посодѣйствовалъ народу въ спасеніи нашей церкви отъ пожара“.

Послѣдніе 13 лѣтъ родитель мой былъ уже за штатомъ и жилъ вмѣстѣ со мною въ томъ же самомъ домѣ, который онъ построилъ въ Панцыревкѣ почти что своими только руками 40 лѣтъ тому назадъ. До самыхъ почти послѣднихъ дней старецъ совершалъ и любилъ помогать мнѣ въ совершеніи богослуженія и нѣкоторыхъ требоисправленій по приходу. Не только до послѣднихъ дней, но и до послѣднихъ минутъ жизни своей почившій о Христѣ родитель мой сохранилъ память и умеръ въ полномъ сознаніи. Въ послѣднія минуты многолѣтней многотрудовой своей жизни (родитель мой, будучи уже священникомъ, не только самъ косилъ, жаль и молотилъ, но и пахаль) онъ почти постоянно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, просилъ окружающихъ молиться за него, совершенно безбоязненно ожидалъ смертнаго часа и просилъ не хоронить его пышно. „Положите меня, тихо шепталъ умирающій старецъ, въ самомъ простомъ, совсѣмъ некрашенномъ и ничѣмъ неубранномъ гробѣ и молитесь усердно за грѣшную мою душу“. Смерть родителя моего была мирная, тихая, какъ сонъ. Священникъ с. Коржевки П. Н. А.—скій напутствовалъ почившаго о Христѣ въ вѣчность прекраснымъ, глубоконазидательнымъ словомъ. Бывшая же паства покойнаго родителя моего проводила его въ могилу не съ молитвою только, но и со многими слезами.

Миръ душѣ твоей, родитель мой, почившей о Христѣ
добрый пастырь!

Свящ. Д. Сталыпинъ.
